

УДК 141.333

*А.Н. Задворнов***ИСТОКИ КОГНИТИВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: ЗАПУСК ПРОЦЕССА «РАЗБЛОКИРОВКИ»**

Уникальность человека определяется его когнитивностью, то есть способностью к восприятию и переработке информации при помощи символов. Когнитивность интерпретируется в культурно-социальном смысле, что позволяет отнести к её проявлениям социальность, речь и критическое мышление, связанное с развитым самосознанием.

Древние люди обладали когнитивностью потенциально. «Разблокировка» этой способности происходила в эпоху шатальперона, когда свидетельства проявления когнитивности начинают стремительно накапливаться. В статье представлена гипотеза, в соответствии с которой «разблокировка» происходила под влиянием атипичной (дивергентной) модели межвидового взаимодействия неандертальцев и древних людей. Покорение неандертальцами ранних неантропов стало фактором форсированного развития когнитивности и, в дальнейшем, обусловило победу людей современного вида в межвидовой конкуренции. Механизмом покорения стала способность неандертальцев к интердикции, а способом высвобождения – суггестия и контрсуггестия, в основе которых находилось спонтанное изобретение языка и его когнитивных коррелятов. Гипотеза обосновывается анализом представленных в современной науке моделей межвидового взаимодействия ранних неантропов и палеоантропов, с опорой на концепцию индивидуализации человеческой психики Б.Ф. Поршнева.

Ключевые слова: когнитивность, «разблокировка» когнитивности, неантроп, неандерталец, межвидовое взаимодействие, дивергенция.

Традиционная картина эволюции гоминид определяет палеонтологическую летопись как процесс медленного и постепенного развития умственного качества человека под влиянием естественного отбора. Эта жесткая линейная схема человеческой эволюции преобладала в науке со времен Ч. Дарвина. Такое воззрение на эволюцию опиралось на данные радиоуглеродной датировки исторических ископаемых.

Хронологический фундамент пошатнулся в 2013 г., когда группа исследователей под руководством Р. Вуда и Т. Хигхэма реализовала программы масштабной передатировки образцов, взятых из археологических раскопок на Иберийском полуострове. Была предложена усовершенствованная методика датировки, позволяющая учесть загрязнение образцов «современным» углеродом. В результате обнаружилось, что в истории человечества процессы протекали гораздо более динамично, чем считалось ранее [9]. Т. Хигхэм и его коллеги из Оксфордской лаборатории показали, что период существования человека современного вида и неандертальцев длился не десятки тысячелетий, а несколько тысяч лет и даже меньше.

Современная модель эволюции гоминидов, которая находит всё больше сторонников, трактует эволюционный (когнитивный) сдвиг, как событие, практически мгновенное в масштабах эволюции. «Хотя возникновение *Homo sapiens* как узнаваемой анатомической единицы по-прежнему лишь обрывочно зафиксировано окаменелостями, это, безусловно, было неожиданным происшествием, а не затянувшимся процессом» [4. С. 258].

Эволюционный прорыв (или сдвиг) сопровождался «разблокировкой» когнитивности (лат. *cognitio*, «познание, изучение, осознание») человека. В научной литературе используются понятия: «когнитивные способности», «когнитивная деятельность», «когнитивные навыки» и «когнитивность». Последнее из них наиболее широкое: оно включает в себя совокупность способностей человека воспринимать и перерабатывать информацию. Определяющая характеристика когнитивности – это возможность анализировать внешние и внутренние переживания с помощью символов. Когнитивность позволяет мысленно соединять и комбинировать символы, чтобы охарактеризовать окружающий мир и, что самое главное, создавать модели того мира, каким он мог бы быть. «Содержание подлинного символа через опосредствованные смысловые сцепления соотносено с идеей мировой целокупности, с полнотой космического и человеческого универсума» [1. С. 361].

Исторически в основе когнитивности находилась эмпатия, которая и порождала символическое мышление. Способность сопереживать другому повышала значимость этих объектов и создавала условия для придания им символического значения. Например, эмпатия к сородичу формировала ритуал захоронения. Далее происходил переход от символа к понятию, то есть абстрактному мышлению.

Этот переход определялся тем, что, как убедительно показал М.М. Бахтин, «всякая интерпретация символа сама остается символом, но несколько рационализированным, то есть несколько приближенным к понятию» [1. С. 362]. В свою очередь, возможность оперировать понятиями давала импульс к развитию творческих способностей (изобретательности) человека.

Когнитивность присуща только человеку современного типа и формировалась по схеме «эмпатия – символическое мышление – абстрактное мышление – творчество». Звенья этой цепи не характерны для неандертальцев. Они не имели дела с информацией в том виде, в каком это стало возможно для неантропов. Во-первых, несмотря на то, что неандертальцы умело работали с камнем, методы его обработки не существенно отличались во времени и пространстве. Палеоантропам не было свойственно изобретение новых технологий, и они следовали шаблонам древних гоминидов. Во-вторых, жизнь неандертальцев была практически лишена символических объектов. Так, в захоронениях палеоантропов крайне редко встречаются символические артефакты, а практикуемый ими каннибализм не имел какой-либо ритуальной составляющей.

В 2005 г. провели повторную датировку черепа из Омо-Кибиш в Южной Эфиопии, найденного Р. Лики. Выяснилось, что анатомически современные люди проживали в Эфиопии уже 200 тыс. лет назад. Это подтверждается и находками из Херто. Однако на том этапе древние люди не проявляли когнитивности. Например, рубила, обнаруженные в Херто, были самыми архаичными во всей Африке. Применение охры также носило сугубо утилитарный смысл без символического наполнения.

Около 100 тыс. лет назад на Африканском континенте появляются символические объекты, в частности декоративные бусы из раковин. В 2002 г. К. Хеншильд и его коллеги обнаружили в пещере Бломбос (ЮАР) пластинки, покрытые охрой, с повторяющимся геометрическим узором. Позже подобные артефакты были обнаружены в местечке Пиннакл-Пойнт. Находки датировались между 70–80 тыс. лет назад.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что когнитивность долгое время существовала в зачаточном состоянии, не имея достаточных условий для развития. Иными словами, когнитивность являлась экзапацией, то есть существующей функцией, которая приспособляется к использованию в будущем, а не адаптируется к текущим условиям. По аналогии – предки позвоночных уже обладали рудиментарными конечностями, хотя и обитали в воде.

На протяжении многих тысяч лет древние люди практически не использовали потенциально заложенную в них когнитивность. После указанного выше момента (70–80 тыс. лет назад) примеры символического поведения начинают накапливаться достаточно быстро как следствие запуска механизма «разблокировки». Эту научную проблему И. Таттерсаль облёк в ёмкую форму вопроса: «Так что же могло случиться, чтобы члены уже практически появившегося вида *Homo sapiens* начали использовать свой мозг радикально новым способом?» [4. С. 256].

Ответ, на наш взгляд, лежит в плоскости обнаружения характера межвидового взаимодействия неандертальцев и ранних неантропов. В антропологии сложилось несколько концепций, раскрывающих вероятностные модели межвидового взаимодействия палеоантропов и древних людей.

Первая модель может быть названа симбиотической. Она сводится к тому, что оба вида создали взаимовыгодный союз и видели друг в друге достойных партнеров и с физической, и с социальной точек зрения. Данный подход наиболее полно развит в работах известного исследователя неандертальцев Э. Тринкауса [11].

Действительно, свидетельств того, что сапиенсы скрещивались с неандертальцами достаточно, причем не только в Европе и Африке, но и по всей территории Азии. Как тогда объяснить, что неандертальская часть в геноме современного человека невелика? На наш взгляд, смешение сапиенсов с неандертальцами не было характерно для этих видов и имеющиеся свидетельства не типичны. Вероятно, смешение происходило на ранних этапах, в период первых контактов ранних сапиенсов с неандертальцами. В дальнейшем, с нарастанием дивергенции, оно практически прекратилось. Эта подтверждается и выводами коллектива С. Паабо. Исследователи полагают, что общие элементы генома возникли в первый период контактов неандертальцев и ранних неантропов. «Последующая передача генов современным людям оценивалась в 2–4 %, однако затем этот показатель был понижен до 1,5–2,1 %» [4. С. 240–241]. Кроме того, как справедливо отмечает И. Таттерсаль, «даже упомянутые 2–4 % признаков неандертальцев у современных людей могли быть получены не только в силу демографической динамики, но и благодаря крайне редким случаям раннего спаривания» [4, С. 241].

Разновидностью симбиотической модели можно считать точку зрения К. Финлейсона, полагавшего, что между неандертальцами и неантропами «было динамическое равновесие, некое подобие полупостоянного географического сосуществования» [8. С. 153]. Иными словами – ареалы обоих видов расширялись или сужались, что позволяло им избежать прямой конкуренции.

Вторая модель межвидового взаимодействия палеоантропов и неантропов может быть названа нонконформистской, поскольку предполагает, что оба вида жестоко конкурировали за ресурсы и стремились к взаимному уничтожению. Характерно то, что в оценках исследователей кардинальным образом преобладает трактовка *Homo sapiens* как в высшей степени инвазивного вида. Обоснование нонконформистской модели представлено С. Черчиллем и его коллегами из Университета Дьюка [7], исследовательской группой Ф. Рамереса Роцци [10], П. Шипман [5] и другими учеными.

В то же время, в современной палеоантропологии крайне мало свидетельств агрессивности людей современного типа по отношению к неандертальцам. Первое из них основано на анализе ранения неандертальца из Шанидара (Ирак), а второе – на исследовании челюсти ребенка-неандертальца с засечками, найденной на стоянке Ле-Руи во Франции. При этом во втором случае исследовательская группа Ф. Рамереса Роцци не исключает, что засечки появились не вследствие убийства ребенка, а, возможно, как результат определенных ритуальных действий.

На наш взгляд, совершив революцию (подробнее о которой будет сказано ниже) в отношении неандертальцев и уйдя далеко вперед в уровне своего развития, неантропы не имели существенной потребности убивать палеоантропов. На этом этапе неандертальцы вынуждены были приспособляться и избегать территории, занятые новым высшим хищником, точно так же, как койоты остерегаются заходить на территорию волков. Такая модель может быть названа конформистской. В итоге неандертальцы теряли свой ареал обитания, что и стало причиной их вымирания. Обоснование конформистской модели представлено в научных публикациях Д. Адлера, О. Бар-Йосефа и других исследователей [6].

Наиболее системно межвидовое взаимодействие неантропов и палеоантропов представлено в четвертой модели, получившей название дивергентной.

В палеоантропологии достаточно данных, свидетельствующих о том, что неандертальцы не могли быть успешными охотниками. Во-первых, они не имели оружия дальнего действия и не доминировали в гильдии хищников. Во-вторых, неандертальцы не имели анатомических адаптаций к быстрому и долгому бегу, а засадный способ охоты препятствовал получению регулярной добычи. Вероятнее всего то, что они питались падалью и практиковали каннибализм. Б.Ф. Поршневу полагал, что палеоантропы вовсе не охотились. С его точки зрения, неандертальцы поедали не только представителей своего вида, что встречается и в животном мире и называется аде́льфофагией, но и более слабых особей, пришедших в места обитания неандертальцев и являвшихся ранними неантропами. Последние существенно уступали по своим физическим данным, и были покорены палеоантропами. В этой связи примечательно, что стоянки древних людей и неандертальцев зачастую соседствовали друг с другом. С точки зрения Б.Ф. Поршнева ранние сапиенсы выступали для троглодитов кормовой базой, например, отдавая часть своего приплода. Однако эта позиция не находит убедительного подтверждения в палеоархеологии.

Более достоверной представляется гипотеза Б. Ф. Поршнева о том, что, покоренные палеоантропами, ранние сапиенсы должны были охотиться для неандертальцев. Возникновение такой модели межвидового взаимодействия весьма вероятно, поскольку формы хозяйствования неандертальцев были примитивны, а конкуренция внутри гильдии, как между двумя видами гоминин, так и между гомининами и хищниками, была очень значительна. «Мы действительно можем увидеть влияние интенсивности конкуренции внутри гильдии в период между 50 000 и 25 000 лет назад. В борьбу, охватившую всю экосистему, были вовлечены многие члены гильдии хищников Евразии после появления там людей современного типа» [5. С. 161].

Межвидовая конкуренция обострялась также множеством неблагоприятных климатических флуктуаций во время третьей кислородно-изотопной стадии (КИС-3). Именно в этот период современные люди вошли на территорию Евразии, а их покорение стало для неандертальцев фактором выживания.

В результате была сбита эволюционная программа и запущена биология «разблокировки» (актуализация потенциальных когнитивных способностей неантропов). В природе нет такого типа взаимодействия, в котором бы один вид осуществлял стихийный искусственный отбор (в отличие от паразитизма) и специально выращивал свою кормовую базу, а второй вид, с целью выживания, добы-

вал для первого вида пропитание. В соответствии с нашей гипотезой, именно такая атипичная модель межвидового взаимодействия придала существенный импульс процессу сапиентации, то есть актуализации когнитивности.

Неандертальцы участвовали в формировании качеств неантропов, опираясь на свою способность к интердикции. Она позволяет, вызывая один рефлекс, блокировать другой. «Например, поскольку палеоантропы питались остатками пищи животных, они научились привлекать одних хищников для отпугивания других хищников, вынуждая первых оставить добычу. В данном случае у хищника голод и иные рефлекторные проявления перекрывались страхом, то есть защитные рефлексы (удаление от раздражителя) превосходили пищевые» [2. С. 22].

Страх стимулировал развитие речи, которая у сапиенсов становится своеобразной сублимацией страха и его ограничителем. Кроме того, речь обслуживала суггестию, как инструмент выхода неантропов из-под зависимости от неандертальцев. Посредством речи устанавливались контакты между сапиенсами, что создавало условия для роста их социальности. Речь, язык выступали как культурный стимул, усиливая связь между людьми и обеспечивая формирование зеркальных нейронов. В свою очередь, они становились биологическим основанием эмпатии, для которой необходимо преодоление барьера между «я» и «ты». «Суггестия в чистом виде тождественна полному доверию к внушаемому содержанию, в первую очередь к внушаемому действию. Это полное доверие в свою очередь тождественно принадлежности обоих участников данного акта или отношения к одному “мы”» [3. С. 19].

Речь структурировала символическое мышление и обеспечивала его переход к абстрактному мышлению, став важным фактором нейронной модификации человека. Развитие умения не подчиняться палеоантропам, говорить «нет» (контрсуггестия) требовалось для противодействия навязываемых троглодитами моделей поведения. Простейшими формами контрсуггестии были уклонение от слушания, передразнивание, молчание и, наконец, прерывание коммуникации. Способность сапиенсов к контрсуггестии позволила им совершить против каннибалов палеоантропов революцию и уйти от необходимости взаимодействия с ними. Острая фаза дивергенции была пройдена в период шателперона. На основных стоянках этого времени обнаруживаются артефакты, принадлежащие и предшествующей мустьерской (неандертальской), и последующей ориньякской (кроманьонской) культурам.

Дальнейшая дивергенция неандертальцев и неантропов протекала по принципу взаимного избегания. Этим можно объяснить и фактическое отсутствие контактов между видами в завершающий период КИС3, несмотря на то, что проживали они в одном географическом регионе. На наш взгляд, такое динамическое равновесие было вызвано предшествующим негативным опытом межвидовых контактов и сознательным избеганием встреч друг с другом. Дальнейший прогресс и рост популяции неантропов заставил неандертальцев уклоняться от контактов с новым инвазивным хищником.

Таким образом, дивергентная модель обосновывает то, что эволюционный (когнитивный) прорыв неантропов, проявившийся в развитии речевых функций и самосознания, а также в росте социальности, стимулировался взаимодействием с неандертальцами. «Разблокировка» когнитивности вызвана постепенным высвобождением человека от страха (перед троглодитами) и переходом к более индивидуализированным формам сознания. В свою очередь инволюция и вымирание палеоантропов обусловлены распространением атипичной формы паразитизма на ранних неантропах. После дивергенции популяция неандертальцев исчезла за довольно короткий промежуток времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Задворнов А.Н. Муки рождения человеческого разума: от стада к обществу // Вестн. Вятского гос. гуманит. ун-та. 2016. № 4. С. 20-24.
3. Поршнева Б.Ф. Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) // История и психология. М.: Мысль, 1972. С. 7-35.
4. Таттерсаль И. Скелеты в шкафу. Драматическая эволюция человека. СПб: Питер, 2016. 272 с.
5. Шипман П. Захватчики: Люди и собаки против неандертальцев. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 296 с.
6. Adler D., Bar-Yosef O., Belfer-Gohari A. et al. Dating the Demise: Neanderthal Extinction and the Establishment of Modern Humans in the Southern Caucasus // Journal of Human Evolution. 55. 2008. P. 817-833.
7. Churchill S., Franciscus R., McKean-Peraza H. et al. Shanidar 3 Neanderthal Rib Puncture Wound and Paleolithic Weaponry // Journal of Human Evolution. 57. 2009. P. 163-178.

8. Finlayson C. Neanderthals and Modern Humans: An Ecological and Evolutionary Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 265 p.
9. Higham T., Douka K., Wood R. et al. The Timing and Spatio-Temporal Patterning of Neanderthal Disappearance // Nature. 512. 2014. P. 306-309.
10. Ramirez Rozzi F., Errico F., Vanhaeren M. et al. Gutmarked Human Remains Bearing Neandertal Features and Modern Human Remains Associated with the Aurignacian at Les Rois // Journal of Anthropological Science. 87. 2009. P. 153-185.
11. Trinkaus, E., Constantin, S., Zilhão, J. et al. Life and Death at the Peștera cu Oase. A Setting for Modern Human Emergence in Europe. New York: Oxford University Press. 2013. 437p.; Trinkaus, E., Buzhilova, A.P., Mednikova, M.B., Dobrovolskaya, M.V. The People of Sunghir: Burials, Bodies and Behavior in the Earlier Upper Paleolithic. New York: Oxford University Press. 2014. 368 p.

Поступила в редакцию 24.01.2018

A.N. Zadvornov

THE SOURCE OF HUMAN COGNITION: START OF THE UNLOCKING PROCESS

The uniqueness of a person is determined by his cognition, that is, the ability to perceive and process information using symbols. Cognition is interpreted in the cultural and social sense, which allows one to include sociality, speech and critical thinking associated with the developed self-awareness to its manifestation.

Ancient people possessed cognition potentially. The "unlocking" of this ability occurred in the Chatelperronian era, when the evidence of cognition manifestations began to accumulate rapidly. The paper presents a hypothesis according to which the "unlocking" took place under the influence of the atypical (divergent) model of interspecies interaction of Neanderthals and ancient people. The conquest of the early Neanthropines by the Neanderthals became a factor of the accelerated development of cognition and later determined the victory of people of the modern species in the interspecific competition. The ability of Neanderthals to interdiction served as a mechanism of conquest, and suggestion and countersuggestion, based on the spontaneous invention of the language and its cognitive correlates, became a method of liberation. The hypothesis is substantiated by analyzing the models of interspecies interaction of early neanthropines and paleanthropines, based on the concept of individualization of the human psyche by B.F. Porshnev.

Keywords: cognition, "unlocking" of cognition, neanthropine, Neanderthal man, interspecies interaction, divergence.

Задворнов Андрей Николаевич,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социально-гуманитарных наук
Набережночелнинский институт
Казанского (Приволжского) федерального университета
423812, Россия, г. Набережные Челны,
просп. Мира, 68/19 (1/18)
E-mail: egpi-PF@yandex.ru

Zadvornov A.N.,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
at Department of Social and Humanitarian Science
Branch of Kazan (Volga) Federal University
in Naberezhnye Chelny
Prosp. Mira, 68/19 (1/18), Naberezhnye Chelny,
Russia, 423812
E-mail: egpi-PF@yandex.ru